

**ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ:
ДЕТЕРМИНАЦИЯ, ИНТЕРДЕПЕНДЕНЦИЯ ИЛИ КОНСТЕЛЛЯЦИЯ?****Хухуни Георгий Теймуразович**ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
Мытищи, Россия**Валуцеева Ирина Ивановна**ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
Мытищи, Россия**Аннотация**

В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимосвязи между этническим самосознанием коллектива и сохранением исконного языка. Данный вопрос принадлежит к числу наиболее спорных проблем, далеко выходящих за рамки науки о языке, причем нередко наиболее горячо и беспелеционно высказываются о нем именно не лингвисты. Однозначное решение здесь вряд ли возможно. При анализе относящихся к нему аспектов необходимо различать, идет ли речь о языковом коллективе, проживающем в иноязычном окружении (диаспоре в широком смысле слова), но имеющем свою историческую родину, где данный идиом является основным средством коммуникации, или о коренном населении территории, входящей в состав более крупного государственного образования, который не имеет никакого другого «национального очага». В первом случае постепенное «угасание» исходного языка не ведет к утрате его у народа в целом, во втором указанный процесс будет, скорее всего, восприниматься именно как стремление доминирующего этноса к ассимиляции соответствующего народа. Даже при фактически происшедшем языковом сдвиге, но сохранении ощущения этнической идентичности, ассимиляция нередко начинает реализовываться в стремлении обрести языковое выражение. С другой стороны, борьба властей с этническим сепаратизмом нередко распространялась и на язык, вытеснение которого из сколько-нибудь социально значимых сфер и даже из бытового общения велась порой достаточно жесткими средствами. Таким образом, из трех указанных в заглавии статьи функций ведущей тенденцией обычно является интердепенденция, хотя в отдельные периоды истории того или иного этноса могут преобладать и другие.

Ключевые слова: языковой сдвиг, самосознание, этнический, отношение, общение

Введение

Термины «детерминация», «интердепенденция», «констелляция» были предложены основоположником глоссематической теории Луи Ельмслевом для обозначения тех функций, которые существуют в языке для обозначения, соответственно, зависимости односторонней, двусторонней и факультативной (свободной) (см. [Ельмслев 1960]).

Л. Ельмслев, разрабатывавший свою концепцию в качестве «имманентной алгебры языка», вряд ли предполагал возможность применения созданного

им понятийного аппарата к явно не укладывающимся в созданную им теорию психо- и социолингвистическим исследованиям. Однако поскольку сами по себе выделенные им типы зависимостей носят универсальный характер, постольку они вполне могут быть использованы и в других областях нашей науки для освещения некоторых моментов, относящихся к проблеме соотношения этнической и языковой идентичности.

Наука или публицистика?

Подобная постановка вопроса кажется провоцирующей. Однако некоторые основания для данной антиномии все же имеются. Вспомним деление лингвистики на внутреннюю и внешнюю, что обычно связывается с именем Ф. де Соссюра. Но, по существу, оно было распространенным к концу XIX – началу XX века. Если говорить об отечественной традиции, то подобное деление можно найти, хотя и с несколько варьирующимися формулировками, и у Ф.Ф. Фортунатова, и у И.А. Бодуэна де Куртенэ. Здесь целесообразно сделать одну оговорку: для представителей сравнительно-исторической и, тем более, структурной парадигмы эта антиномия была либо второстепенной, либо вообще нелингвистической, тогда как с точки зрения антропоцентрической парадигмы дело обстоит иначе. Вряд ли можно отрицать, что рассматриваемая проблема (в отличие от таких «внутрилингвистических» вопросов, как, например, соотношение языка и речи или принципы классификации фонологических оппозиций) весьма часто становилась и становится предметом обсуждения не только «чистых» лингвистов, но и представителей практически всех областей гуманитарного знания: историков, философов, этнографов, политологов и др. Причем, приходится констатировать, что нередко наиболее горячо и беспартийно высказываются о ней именно не лингвисты. Приведем в этой связи две цитаты, отделенные друг от друга почти полутора столетиями, но производящие впечатление острой полемики современников, носящей не столько научный, сколько публицистический характер.

Первая принадлежит выдающемуся отечественному педагогу XIX в. К.Д. Ушинскому: «Когда исчезает народный язык, – народа нет более» [Ушинский 1994: 199]. Автором второй является один из ведущих современных этнографов В.А. Тишков: «Утрата языка трактуется как исчезновение народа. Это <...> заблуждение» [Тишков 2019 [http](http://)].

Если определить позицию каждого из процитированных авторов в приведенных выше терминах Л. Ельмслева, то – несколько упрощая дело – можно сказать, что суждение К.Д. Ушинского исходит из того, что сохранение народа определяется сохранением языка (второе детерминирует первое), тогда как постулат В.А. Тишкова усматривает здесь отсутствие зависимости (или зависимость факультативную) – народ вполне может существовать, утратив язык (констелляция).

«<...> В каждый данный момент язык есть дело всех и каждого»

Приведенные в заголовке раздела слова Ф. де Соссюра отражают еще одну характерную особенность обсуждаемой проблемы. А именно – интерес к ней часто проявляют не только представители смежных областей, но и самые широкие круги, не всегда имеющие отношение к научной или образовательной деятельности. Дискуссии по данной теме особенно обостряются в тех случаях, когда тот или иной коллектив начинает ощущать (оправданно/неоправданно) угрозу посягательства

на идиом, воспринимаемый им как свое неотъемлемое достояние и один из краеугольных камней самоидентификации.

Решение вопроса о том, во всех ли случаях языковой сдвиг приводит к сдвигу этнокультурному («исчезновению народа»), не всегда выглядит простым. В статье, откуда взяты приведенные выше слова В.А. Тишкова, есть и такое утверждение: «Добровольная языковая ассимиляция (то есть переход с этнического языка на общеупотребимый) является нормой, неотъемлемым правом человека, как и право сохранять язык своей местности. Надо признать эти права. <...>. Индейские языки почти исчезли. Но народы остаются. То же самое и в нашей стране. Российские немцы, украинцы, армяне почти все русскоязычные. Из евреев мало кто знает идиш или иврит. Но от этого они не перестали быть армянами или евреями» [Тишков 2019 [http](#)].

Если даже оставить в стороне не очень удачную иллюстрацию «добровольности» утраты языка индейцами или весьма большой частью носителей идиша (поскольку о сколь-нибудь значительном количестве носителей иврита как родного языка в довоенной Европе и России вряд ли можно говорить), при подобной трактовке не принимаются во внимание существенные моменты принципиального характера. Их игнорирование может привести к нежелательным последствиям.

Язык национального меньшинства или язык диаспоры?

Давно отмечалось, что в многонациональном государстве разграничение между так называемым коренным населением, представляющим этноязыковое меньшинство, с одной стороны, и идиомами «мигрантов», образующих в ряде случаев компактные места проживания (диаспоры) – с другой, носит достаточно условный характер. Напомним известный анекдот о том, что коренное население, как правило, – это предпоследние мигранты. Однако на практике – в том числе и в официально-государственной сфере – это различие нередко проводится весьма последовательно. Если речь идет об отдельных индивидах, то связанные с ними коллизии могут регулироваться в ходе процесса натурализации, имеющем свою специфику в тех или иных государственных образованиях. Вопрос о коллективных правах, в частности, признания за языком соответствующего этноса какого-либо официального статуса носит более сложный характер, причем, и по отношению к языкам «коренных» национальных меньшинств он далеко не всегда решается без противоречий, порой принимающих антагонистический характер.

В приведенном выше высказывании В.А. Тишкова фигурируют именно «*российские* немцы, украинцы, армяне», к которым далее прибавляются «наши эмигранты» в Европе и Америке. Констатируется, что «при миграции этнический язык можно сохранить не больше, чем в одном-двух поколениях – его трудно поддерживать в узкой среде». И, ссылаясь на них, автор экстраполирует этот опыт на языки народов России, утверждая, что и в данном случае «переход на государственный язык — естественный процесс» [Тишков 2019 [http](#)].

Данное рассуждение требует существенного уточнения. Во-первых, народы, населяющие Российскую Федерацию и живущие на ее территории на протяжении многих столетий и тысячелетий, с «мигрантами» в современном понимании отождествляться никак не могут, что делает приведенную выше аналогию не слишком корректной. Во-вторых, В.А. Тишков фактически ставит на одну доску два, на наш

взгляд, принципиально различных вопроса: о возможности наличия у индивида двух родных языков («у человека может быть два родных языка. Если человек родился в смешанной семье, он свободно владеет, скажем, чувашским и русским. Почему он должен какой-то один из них выбирать родным?») [Тишков 2019 [http](#)] и о целесообразности перехода с этнического языка на общегосударственный («Добровольная языковая ассимиляция (то есть переход с этнического языка на общеупотребимый) является нормой, неотъемлемым правом человека <...> Переход на государственный язык — естественный процесс») [Тишков 2019 [http](#)]. Если в первом случае имеет место *языковое переключение*, то во втором речь уже идет о *языковом сдвиге*, при котором о двух языках, тем более, выступающих в качестве родных, говорить не приходится, поскольку этнический язык вообще заменяется другим. В-третьих, утверждение о неизбежной утрате этнического языка в иноязычной среде через одно-два поколения носит не *абсолютный*, а *относительный* характер, поскольку многое здесь будет определяться тем, наблюдается ли использование данного идиома в общении между самими мигрантами, то есть сохраняется ли у них чувство этнической общности между собой; иными словами – насколько «узким» является окружение, представителями которого он используется. В качестве примера можно назвать, в частности, опыт существования армянских общин в ряде стран на протяжении столетий. Он прерывался далеко не всегда посредством «добровольной ассимиляции», о чем свидетельствуют, например, события в Османской империи во время Первой мировой войны. Наконец, в-четвертых, еще раз подчеркнем, что важно различать две принципиально различные ситуации. С одной стороны, это этнические (точнее, этноязыковые) группы, отличающиеся в лингвистическом плане от доминирующего окружения (диаспора в широком смысле слова), но имеющие так называемую историческую родину, где данный идиом является основным средством коммуникации. Сейчас мы отвлекаемся от того, что между ними и соотечественниками на «исходной» территории будут наблюдаются языковые и культурные различия. Так обстоит дело, например, с китайским языком за пределами КНР. С другой стороны, это собственно национальные меньшинства, рассматриваемые как «коренное население», но представленные на территории, входящей в состав более крупного государственного образования, и никакого другого «национального очага» не имеющие.

В первом случае постепенное «угасание» исходного языка не ведет к утрате его у народа в целом. Армянский, немецкий и украинский языки продолжают благополучно функционировать на территории соответствующих стран, хотя во многих диаспорах весьма отчетливо прослеживается желание его сохранить. Но даже в случае, если «свой» идиом в тех или иных общинах не сохраняется, то есть действительно происходит языковой сдвиг, как правило, в пользу общегосударственного языка, своего существования в целом он не прекращает.

Во втором случае переход на государственный язык, то есть языковой сдвиг, означает в целом утрату соответствующего идиома и превращение его в «мертвый», то есть перестающий выполнять коммуникативную функцию. Стимулирование подобного процесса «сверху» чаще всего воспринимается носителями идиома не столько как «добровольный» отказ от него, сколько как стремление доминирующего этноса к ассимиляции соответствующего народа не только в языковом, но и в этническом

отношении путем «растворения» его в себе. Насколько подобные опасения в том или ином конкретном случае обоснованы – это уже другой вопрос, но ситуации, когда языковая ассимиляция действительно приводила к прекращению существования этноса как отдельной единицы, хорошо известны. Можно вспомнить здесь судьбу романизированных народов Римской империи, после падения которой на этих территориях сформировались иные этносы, языки которых развились уже на латинской основе. Не менее показательна в этом отношении и судьба, постигшая в Средние века балтийские племена, известные под именем пруссов. Их лингвистическая германизация привела, в конечном итоге, к прекращению существования данного этноса.

Ревитализация языка как средство сохранения этнического самосознания: функция интердепенденции?

Рассмотренные выше факты свидетельствуют о том, что тезис «народ не умирает с языком» оказывается справедливым далеко не всегда. Этим во многом и объясняется стремление многих носителей идиома, подвергающегося такой опасности, сохранить его даже при неблагоприятных условиях. Характерно, что, хотя обвинения в ассимиляции и русификации народов СССР в адрес национальной политики, проводившейся в сталинскую эпоху, уже стали своего рода общим местом во многих работах в последние десятилетия, сам И.В. Сталин в свое время предупреждал, что «национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции» [Сталин [http](#)].

Добавим, что и в тех случаях, когда, согласно приведенному выше высказыванию В.А. Тишкова, «языки почти исчезли, но народы остаются», то есть языковой сдвиг в значительной степени произошел (а такие случаи действительно имеются), нередко начинает наблюдаться процесс ревитализации, или обратного языкового сдвига, который «предполагает возврат к прежнему, использовавшемуся ранее языку» [Словарь... 2006: 152]. Часто сохраняется двуязычие с доминирующим идиомом; исключение представляет случай с ивритом, о котором речь пойдет ниже.

Наглядной иллюстрацией приведенного положения может служить Ирландия, которую часто называли как пример сохранения обостренного этнического самосознания при фактической утрате исконного языка. В советские годы обычно цитировали слова Ф. Энгельса о том, что ирландцы «чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами» [Энгельс [http](#)]. Однако при этом одним из компонентов национального движения стало стремление возродить гэльский. После создания Ирландской республики его статус как государственного и первого официального языка закреплен конституционной нормой. Гораздо более распространенный английский именуется «вторым официальным», но не государственным языком [Конституция Ирландии [http](#)]. По замечанию автора работы, посвященной языкам Европы, Г. Доррена, «Для националистов язык всегда был символом принадлежности к Ирландии» [Доррен 2016: 233], а главу, в которой речь идет об ирландском языке, он озаглавил «Возвращение с того света». Правда, автор отмечает, что процесс ревитализации шел не без значительных сложностей, первоначально применявшиеся для его стимулирования методы иногда приводили к противоположному эффекту. Однако «Ирландия в целом шла к двуязычию» [Доррен 2016: 233], а в 2007 г. ирландский язык был включен в число рабочих языков Европейского Союза.

Аналогичные тенденции могли наблюдаться и по отношению к другим идиомам, в том числе и малочисленным. В работе Г. Доррена называется, в частности, язык острова Мэн, считавшийся еще в 70-е гг. XX века полностью вымершим: «В 1974-м <...> мэнский потерял своего последнего носителя. <...> Но теперь, благодаря усилиям отдельных лиц и организаций, язык отступил от края пропасти» [Доррен 2016: 250].

Этноязыковое сознание и религия: иврит и коптский

Традиционно, говоря о ревитализации языка, в первую очередь вспоминают судьбу иврита, прежде всего потому, что в этом случае процесс был доведен до конца. Произошло не просто возрождение языка, а осуществилось превращение его на территории Израиля в полноправный идиом, применяемый во всех сферах коммуникации – от бытовой до научно-технической. Помимо этнокультурного фактора, важнейшую роль сыграл фактор религиозный. С одной стороны, он, будучи языком Торы, обладал непрерывной книжно-письменной традицией на протяжении всего периода отсутствия у евреев собственного национально-государственного образования, будучи важнейшим фактором, объединявшим рассеянные по разным странам диаспоры. С другой стороны, в религиозно-культурном отношении представители диаспор были обособлены и противопоставлены «иноверческой» христианской и мусульманской среде, сохраняя свою «особенность». Свою роль сыграли и внешние факторы, особенно связанные со Второй мировой войной и предшествовавшими ей событиями. Если в начале XX века принятие иврита в качестве языка будущего государства не разделялось всеми безоговорочно, говорили даже о «войне языков» среди еврейского населения Палестины, причем в качестве основного конкурента выступал немецкий, то к моменту провозглашения Израиля как самостоятельного государства победа иврита уже никем не оспаривалась (см. об этом [Harshav 1993]).

Религиозный момент играет немаловажную роль и в периодических попытках вернуть к жизни коптский язык в Египте. Хотя – в отличие от евреев – копты продолжают столетиями жить на своей исторической родине, но они, исповедуя христианство, находятся в исламском окружении при практически полном доминировании в стране арабского. Наибольшую активность в этой деятельности проявляют представители коптской церкви. По инициативе ее руководителей были предприняты усилия по созданию Института коптского языка, открыты языковые курсы при церквях и т.д. [Gamil [http](#)]. Однако изначально положение дел отличалось от иврита: язык применялся только в литургической практике (The Coptic language has been spoken only in church till now [Gamil [http](#)]) параллельно с арабским. Отсутствует государственная поддержка, материальные возможности для реализации планов по возрождению языка гораздо скромнее, чем в случае с ивритом (подробнее см. [Farah [http](#)]).

Рассмотренные примеры подтверждают тезис о том, что в большинстве случаев формирование / возрождение этнического самосознания, т. е. стремление выделить данный коллектив в качестве самостоятельного этноса, противопоставив его другим – в первую очередь тем, ассимиляция с которыми представляется наиболее реальной перспективой, – включает и лингвистический компонент. Здесь особенно ярко проявляется выделительная функция языка, когда он, прежде всего в своей

литературной форме, «используется как средство “выделения” своего этноса (своей этнической группы) среди других этносов, предполагает противопоставление “своих” “чужим”» и, таким образом, «является элементом национальной идентификации» [Словарь... 2006: 41–42]. Отсюда можно заключить, что из трех функций: детерминации, интердепенденции и констелляции ведущей следует считать именно интердепенденцию, хотя в отдельные периоды могут преобладать и другие.

Это подтверждается и «доказательством от противного». В государствах, осуществляющих деструктивную политику по отношению к «нетитульным» народам, целью которой является моноэтнизация страны, под флагом борьбы с «этническим сепаратизмом» нередко осуществляют и лингвоцид – вытеснение «негосударственных» идиомов не только из сколько-нибудь социально значимых сфер, но, в идеале, и из бытового общения, зачастую достаточно жесткими средствами. Даже в такой гордящейся своими демократическими традициями стране, как Франция, отношение официальных властей к «негосударственным» идиомам было и в значительной степени остается неоднозначным, а какое-либо законодательное отражение их статуса наталкивалось на большие сложности, о чем см. [Verreaux 2011].

Заключение

Возвращаясь к рассмотренной нами статье В.А. Тишкова, отметим, что в ней в пределах одного абзаца содержится, на наш взгляд, два противоречащих друг другу утверждения. Наряду с тезисом о праве на добровольный отказ от этнического языка, автор утверждает: «Сохранение языков – это часть культурного наследия, ответственность за которое несут страны, где проживают их носители. Желательная норма, чтобы этнический язык все-таки был, но это совсем не обязательно» [Тишков 2019 [http](http://)]. Если сохранение этнического языка – вещь не обязательная, то на каком основании нужно возлагать ответственность за него на «страны, где проживают их носители»? И кто именно в этих странах должен этим заниматься – сами носители или все же государственные органы? Как представляется, четкий ответ на этот вопрос был дан Президентом РФ в ходе беседы с лауреатами премии в области литературы и искусства за произведения для детей и премии для молодых деятелей культуры за 2022 год: «<...> был момент, когда после развала Союза у нас в России очень многое, к сожалению, было утрачено с точки зрения поддержки национальных языков. А у нас их, ну, по-разному считают, но где-то 170 примерно. 170 – 175. Некоторые уже практически не имеют носителей языка. И очень-очень важно поддерживать это многообразие» [Владимир Путин 2023 [http](http://)].

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., 2023

Литература

Доррен Г. Лингво. Языковой пейзаж Европы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 336 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Выпуск 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 254–389.

Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм. URL: <https://petroleks.ru/stalin/11-10.php>. Дата обращения: 30.03.2023.

Тишков В. Народ не умирает с языком // Известия, 2019, 12 сентября. URL: <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narod-ne-umiraet-s-iazykom> (дата обращения: 10.01.2023).

Ушинский К.Д. Наука и искусство воспитания. М.: Образование и бизнес, 1994. 205 с.

Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии». URL: <https://fil.wikireading.ru/32257>. Дата обращения: 25.11.2022.

Farah R. The Story of Qibṭī: Remnants of the Coptic Language in Egypt. Egyptian Streets. URL: <https://egyptianstreets.com/2022/02/05/the-story-of-qib%E1%B9%AD-remnants-of-the-coptic-language-in-egypt>. Дата обращения: 26.11.2022.

Gamil M. Coptic: Ancient Language Still Spoken Today // Egypt Today. The 08 August 2017. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/4/16207/Coptic-Ancient-language-still-spoken-today>. Дата обращения: 25.05.2022.

Harshav B. Language in Time of Revolution. Berkeley: University of California Press, 1993.

Verpeaux M. Article 75-1. La reconnaissance constitutionnelle des langues régionales // La révision de 2008: Une nouvelle constitution? / Ouvrage Coordonné Par Jean-Pierre Camby, Patric Fraisseix, Jean Gicquel. Paris, 2011. P. 423–427.

Источники и словари

Конституция Ирландии. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/ireland.pdf>. Дата обращения: 11.01.2023.

Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН; Институт иностранных языков, 2006. 312 с.

Владимир Путин призвал поддерживать многообразие национальных языков. // РИА Новости 22.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230322/yazyki-1859804669.html>. Дата обращения: 30.03.2023.

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения

Контактная информация:

105005, Москва, Переведеновский переулок, д.5

ORCID: 0000-0002-7423-5393

e-mail: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения,

Контактная информация:

105005, Москва, Переведеновский переулок, д.5

ORCID: 0000-0002-5935-7595

e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Языковой сдвиг и этническое самосознание: детерминация, интердепенденция или констелляция? // Вопросы психолингвистики №2(56) 2023, С. 94–103. doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-94-103

UDC 81.366

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-56-2-94-103

Research article

**LANGUAGE SHIFT AND ETHNIC IDENTITY: DETERMINATION,
INTERDEPENDENCE, OR CONSTELLATION?**

Georgy T. Khukhuni

State University of Education,
Mytishchi, Russia

Irina I. Valuytseva

State University of Education,
Mytishchi, Russia

Abstract

The article discusses some aspects of the relationship between the ethnic identity of the collective and the preservation of the native language. This question is one of the most controversial problems, far beyond the scope of the science of language, and it is often not linguists who speak most fervently and categorically about it. An unambiguous solution is hardly possible here. When analyzing aspects related to it, it is necessary to distinguish whether we are talking about a language collective living in a foreign-language environment (diaspora in the broad sense of the word), but having its historical homeland, where this idiom is the main means of communication, or about the indigenous population of the territory that is part of a larger state entity that has no another “national hearth”. In the first case, the gradual “extinction” of the original language does not lead to the loss of it among the people as a whole; in the second, this process will most likely be perceived precisely as the desire of the dominant ethnic group to assimilate the corresponding people. Even after factual linguistic shift, if the sense of ethnic identity remains, the latter often begins to find linguistic expression. On the other hand, the struggle of the authorities against ethnic separatism often extended to the language, the displacement of which from any socially significant spheres, and preferably from everyday communication, was sometimes conducted by rather harsh means. Thus, of the three functions indicated in the title of the article, the leading trend is usually interdependence, although others may prevail in certain periods of history.

Keywords: language shift, identity, ethnic, relation, communication

© Khukhuni G.T., Valuytseva I.I., 2023

Bionotes:

Georgy T. Khukhuni – Dr. Sci. in Philology, Professor, Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, State University of Education

Contact information:

5, Perevedenovskiy pereulok, Moscow, 105005, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7423-5393

e-mail: khukhuni@mail.ru

Irina I. Valuitseva – Dr. Sci. in Philology, Professor, Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, State University of Education

Contact information:

5, Perevedenovsky pereulok, Moscow, 105005, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5935-7595

e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

For citation:

Khukhuni G.T., Valuytseva I.I. Language shift and ethnic identity: determination, interdependence, or constellation? // Journal of Psycholinguistics. 2(56), 2023. P. 94–103. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-94-103 (In Russian)